

Юй Шанчжи оставил еду для Вэнь-санъя дома, так что спешить обратно не было нужды. Он собирался подождать, пока брат с сестрой поедят, а потом унести корзину с посудой.

Три человека уселись под деревом недалеко от поля семьи Вэнь, присев прямо на крупные камни.

— Навыки готовки у меня, прямо скажем, не из лучших. Ничего стоящего приготовить не могу, — сказал Юй Шанчжи с лёгкой усмешкой. — Варить кашу да разогревать маньтоу — тут ошибиться сложно.

В прошлой жизни его кулинария ограничивалась умением доводить еду до готовности — ни цвета, ни запаха, ни вкуса. Порой он и вовсе путался в названиях приправ, не различая, что к чему. Сейчас же эту овощную кашу ему помог готовить Вэнь-санъя — дома он успел попробовать: вкусом не блистала, но есть можно.

И всё же Вэнь Ецай и Вэнь-эрню встретили еду с неподдельной радостью — после тяжёлой работы на голодный желудок любая пища казалась необычайно вкусной.

Эрню, уплетая за обе щеки, не забыла и о недавней обидчице — глядя в сторону поля Цай Байцао, хихикнула:

— Брат, вот ты болтал с братом Юем, а сам не видел — лицо у Цай Байцао аж покраснело от злости!

Юй Шанчжи не сразу понял, о чём речь, переспросил, и, услышав подробности, только и сказал:

— Я ведь сам не могу работать в поле, это уже большой позор. Хорошо хоть еду принести могу — мелочь, но хоть что-то.

Вэнь-эрню откусила кусок булочки и, жуя, пробормотала с полным ртом:

— Брат Шанчжи, ты не знаешь — эта Цай Байцао потому и зубами скрежещет, что брат не вышел за её сына. Вот она теперь и по всей деревне языком метёт.

Юй Шанчжи впервые слышал об этом и, конечно, не удержался:

— А почему не вышел?

Эрню, язык у которой всегда был быстрее мысли, тут же выпалила:

— А из-за чего ещё? Хань Люцзы — ни рыба ни мясо, характер как вата. А ещё брат мой говорил, не нравится ему он, потому что некрасивый.

Юй Шанчжи приподнял бровь, услышав такое, а Вэнь Ецай не выдержал и метнул взгляд в сторону сестры:

— Каша и булочки не помогли — всё равно рот у тебя не затыкается. Всё мусор да старьё выволакиваешь!

Но было уже поздно — и он не мог не услышать, как Юй Шанчжи с едва заметной усмешкой сказал:

— Я и без того знал, что ему по душе именно моя внешность. Иначе, боюсь, давно бы меня с двора выставил.

Вэнь-эрню прыснула от смеха, едва не подавившись маньтоу.

Они втроем сидели под деревом, весело переговариваясь, время от времени мимо проходили деревенские — кто искал место пообедать, кто возвращался домой после утренних работ. Слух о том, что Юй Шанчжи в ближайшие дни начнёт принимать больных прямо в деревне, уже успел дойти до домов через старосту — теперь об этом знали многие.

Увидев Юй Шанчжи, многие деревенские подошли узнать, когда именно он начнёт приём.

Он каждому вежливо отвечал:

— Коли не брезгуете — приходите в любое время.

Кто-то поинтересовался и стоимостью приёма.

— Без разницы, кто — мужчина, женщина, старик или ребёнок — плата одна: пятнадцать вэней. Если придётся идти за пределы деревни, тогда по обстоятельствам, в зависимости от расстояния, но не больше тридцати. Сейчас у меня ещё нет всего набора нужных трав, но если впоследствии будете брать лекарства у меня, то, чего не обещаю, а вот что дешевле, чем в уездном городке, — точно.

Пятнадцать вэней — цена невысокая. Не только дешевле, чем в городе, но даже ниже расценок у лекаря У, что жил в соседней деревне. А уж если учесть, что к нему ещё и ходить нужно, кого-то посылать звать, а тут — разболелась голова или прихватило живот, — и шагать далеко не надо, дошёл до дома Вэнь и лечись на здоровье.

Когда народ постепенно разошёлся, Вэнь Ецай как раз допил последнюю ложку каши. Юй

Шанчжи убрал чашки с палочками в бамбуковую корзинку, взял за поводок Эрвана и направился домой. Вэнь Ецай на этот раз решил не отпускать его одного — сам пошёл провожать до порога.

После полудня.

В главной комнате Юй Шанчжи с Вэнь-санья вместе резали бумагу из шелковицы. Один лист шелковичной бумаги складывали пополам дважды, а затем резали на четыре части — так получалась ширина, подходящая для скручивания одной полынной палочки.

Оценив результат, Юй Шанчжи понял, что в прошлый раз купил слишком мало — но цена у этой бумаги низкая, в следующий раз можно взять побольше, ничего страшного.

Когда нарезали примерно сотню листов, Юй Шанчжи принёс заранее приготовленный полынный пух. Инструмент для скручивания палочек Вэнь Ецай сделал вчера вечером из того, что было под рукой в доме, по указаниям Юй Шанчжи — вполне сносная конструкция.

В прошлой жизни, когда Юй Шанчжи учился скручивать полынные палочки, у него были все необходимые инструменты, к примеру, деревянное основание с закреплённой сверху ручкой, которая облегчала вращение и придание формы. Но теперь о таком и мечтать было нечего: заказывать инструмент заново — и долго, и дорого, куда проще соорудить что-то временное, пусть и грубое, но вполне пригодное.

Фактически, в итоге вышло следующее: кусок плотной промасленной бумаги нарезался на прямоугольник нужной длины и ширины, раскладывался на столе. Один край его прижимали чисто вымытой каменной глыбой из двора, а второй плотно обматывали вокруг деревянной палочки, закрепляя бечёвкой.

Юй Шанчжи ощупал конструкцию — по ощущениям, всё вполне работоспособно.

Под взглядом Вэнь-санья он взял лист шелковичной бумаги, прижал его к краю промасленной, затем рукой аккуратно насыпал нужное количество полынного пуха. После этого начал катить палочку — промасленная бумага заворачивала в себя шелковичную, и благодаря движению деревянного валика формировалась плотная трубочка.

Дойдя до конца, Юй Шанчжи стал прокатывать заготовку взад-вперёд, утрамбовывая её плотнее. Вэнь-санья тут же взял заранее приготовленный крахмальный клей и палочку, осторожно обмакнул кончик и промазал край бумаги, затем прижал пальцем, придавил — всё, одна полынная палочка была готова.

Сначала, поскольку глазами он не видел, да ещё и инструмент был самодельный, Юй Шанчжи действовал не слишком ловко. Но когда сделал с десятков палочек, руки постепенно набили навык, и дело пошло куда быстрее. Вэнь-санья помогал с подачей бумаги, клея и пуха. Когда солнце уже стало клониться к западу, в бамбуковом решете лежали аккуратно уложенные сто

двадцать полынных палочек.

К этому времени из поля вернулись и Вэнь Ецай с Вэнь-эрню. Стоило им войти в главную комнату, как нос ударил густой, терпкий запах полыни. Подойдя ближе и увидев полное решето свежескрученных палочек, они не удержались и начали с любопытством перебирать их, разглядывая с разных сторон.

— На вид-то и не скажешь, что не из аптеки в уезде, — заметил Вэнь Ецай. — Как будто прямо в лавке купили.

Юй Шанчжи налил по чашке воды каждому из них, подвинул ближе и сказал:

— Тут ведь всё просто. Главное — полынь сушить как надо, а ещё — пропорции соблюдать. В остальном — самое обыкновенное дело.

Вэнь Ецай положил палочку обратно и, подумав, решил посоветоваться:

— Я вот думал штук десять отнести семье Сюй для пробы. А если захотят ещё — пусть тогда уже приходят да покупают.

Полынь ведь стоит копейки — целая охапка всего два вэня, а в уезде одна такая палочка уже по десять продаётся. Десять штук — и выходит почти цянь серебром. А такую щедрость он может себе позволить разве что из уважения к семье Сюй и к тому, что Ян Хунэр тогда принес им выдержанную полынь.

Юй Шанчжи, разумеется, не возражал. Вэнь Ецай отложил десять палочек, аккуратно уложил их в бамбуковую корзинку, накрыл тканью и поставил в угол главной комнаты.

Оставшиеся он, по наставлению Юй Шанчжи, убрал в пустующий бамбуковый сундук и поставил в прохладное, хорошо проветриваемое место. Но сейчас шёл сезон дождей, и Вэнь Ецай сразу подумал, что до начала лета стоит обязательно раздобыть немного негашёной извести — положить внутрь, чтобы тянула влагу.

После целого дня, проведённого в поле, за ужином он ещё не чувствовал особой усталости. Но стоило вымыться, лечь в постель — и всё тело сразу будто развалилось на части, словно кости оторвались друг от друга. Колено, которое после недавнего иглоукалывания вроде бы успокоилось, снова начало ныть, словно мороз просачивался изнутри, прямо из суставов.

Раньше Вэнь Ецай, конечно, и виду бы не подал — стиснул бы зубы, завернулся в одеяло, перетерпел бы ночь, а к утру уж как-нибудь отошёл бы. Какая работа в поле без усталости?

Но теперь рядом был Юй Шанчжи. Не то чтобы он не посмел бы скрыть недомогание — просто с таким опытным лекарем рядом всё равно не удалось бы соврать.

Впрочем, Юй Шанчжи и не подозревал о том, что творится в мыслях Вэнь Ецай. Он и не рассчитывал на то, что тот будет честно жаловаться — просто с самого начала был уверен: сегодня колено упряма непременно даст о себе знать. Вода в залитых полях стояла по щиколотку, а то и выше — и если не разгар лета, когда солнце успевает прогреть её до дна, то стоять в такой воде целый день — удовольствие сомнительное. Даже у здорового человека ноги потом гудят, а что уж говорить о Вэнь Ецае?

Тем более, что сегодня только что были сделаны свежие полынные палочки — как раз вовремя, и теперь пришлась пора испытать их на деле.

Во второй раз всё уже шло гораздо легче: Вэнь Ецай, не смущаясь, быстро и ловко снял штаны. Пункты для прогрева при прижигании располагались иначе, чем при иглоукалывании, но так же вокруг колена. На один пункт уходила четверть часа. Всего было три — значит, на всё лечение почти час.

Юй Шанчжи держал тлеющую полынную палочку над точкой на коже, на строго определённом расстоянии: чуть ближе — и можно обжечь, чуть дальше — и эффекта не будет.

Вэнь Ецай, глядя на него, и сам начинал чувствовать усталость: рука, должно быть, устаёт держать так долго. И всё же нельзя не признать — в сравнении с иглоукалыванием, прижигание казалось гораздо приятнее. Мягкое тепло медленно растекалось от колена, как будто выгоняя холод, засевший в самих костях. Понемногу тело расслаблялось, веки тяжелели, и Вэнь Ецай невольно зевнул, погружаясь в дремоту.

Когда три точки были тщательно прогреты, он перевернулся на спину и увидел, как Юй Шанчжи неторопливо тушит использованную палочку, опуская её в воду. Все его движения были плавными, размеренными, и даже то, что он не видел, нисколько не нарушало присущей ему сдержанной, почти аристократической грации.

— Я уже прописал тебе два рецепта, — сказал Юй Шанчжи. — Один — это отвар, принимать внутрь, другой — мазь для наружного применения. В следующий раз, как пойдём в уезд, всё закупим, я сам тебе всё приготовлю. Правда, часть нужных трав сейчас должна уже расти в горах — как только с глазами станет полегче, соберу сам. Тогда и денег тратить не придётся. А иглоукалывание и прижигания — это лишь вспомогательные средства, надо будет делать их по расписанию, регулярно, не пропуская. Сначала хотя бы месяц, а дальше видно будет.

Вэнь Ецай с детства почти не пил лекарств, а тут — месяц, и это только начало. Лицо его тут же вытянулось. А ещё эти мази... одно представление уже вызывало внутреннюю панику.

Он не издал ни звука, но Юй Шанчжи, словно читающий мысли, невозмутимо добавил:

— И не надейся, что за месяц всё закончится. Если хочешь вылечиться по-настоящему, то считай, не меньше полугода уйдет.

Лицо у него снова стало суровым, и Вэнь Ецай тут же сдался.

— Пить — так пить! Хочешь месяц — будет месяц, хоть год — выпью, всё выпью!

В конце концов, всё это Юй Шанчжи делает ради него. Пусть и терпеть не может он это питьё, но неблагодарным он тоже не был.

Юй Шанчжи, услышав это, едва заметно усмехнулся — в уголках губ мелькнуло что-то между усталой мягкостью и тихим удовлетворением.

— Главное, что ты это понимаешь.

Когда все дела этого дня были закончены, Вэнь Ецай встал с кровати, помог потушить свет, а потом оба снова легли. Он массировал Юй Шанчжи запястье и параллельно, перебирая пальцы, прикидывал в уме дни.

— В поле пока можно и не соваться, — негромко сказал он. — Если завтра будет погода, я схожу в горы, подстрелю дичи, соберу чего сгодится, отнесу в уезд на продажу. Там же заодно и куплю все лекарства — и себе, и тебе, и Санья.

Сказал — и недовольно скривил губы:

— Вот уж удача, все те банки для лекарств, что купил в Шуймо, теперь как раз пригодятся. Ни одной в доме не останется...

Юй Шанчжи знал, что Вэнь Ецай терпеть не может пить лекарства. Но правда была в том, что, если не лечить, любая мелочь со временем становилась серьёзной болезнью — в деревне, увы, так было у многих. А ещё — всё расходы да расходы, а ни гроша в дом не приходит. На душе от этого беспокойно.

— Я ведь в последние два дня пустил слух, что начну принимать больных. Скоро, думаю, люди сами начнут приходить. Хоть и не разбогатеет на этом, но на дом хоть что-то да перепадёт. А ты если соберёшься в уезд — знай, я пересмотрел рецепты и себе, и Санья. Скажи об этом в аптеке, договорись с помощником из «Байцзитаня».

Вэнь Ецай с удивлением приподнял брови:

— Для Санья — помню, ты говорил, что надо поменять. А себе-то зачем? Что с твоим рецептом?

Юй Шанчжи, разумеется, не сказал, что его не устраивал медленный эффект и потому он самовольно подправил несколько ингредиентов — возможно, с небольшими побочными, но зато должно подействовать быстрее.

На словах он лишь спокойно заметил:

— Просто небольшая корректировка. Пропью ещё один курс и уже поправлюсь.

Услышав это, Вэнь Ецай тут же проснулся — весь сон как рукой сняло.

— Ты серьёзно?

Только что его запястье, затёкшее от долгого удержания руки, ощущалось ноющим и тяжёлым, но под тёплыми пальцами супруга боль постепенно уходила. Юй Шанчжи сжал ладонь Вэнь Ецай, спокойно сказал:

— А ты думаешь, я стал бы тебе врать?

Вэнь Ецай тут же расплылся в улыбке, не удержался — придвинулся ближе, уткнулся в его грудь.

— Это замечательно... Я день и ночь только об этом и думаю — чтобы ты поскорее прозрел. Сейчас так неудобно... С одной стороны, хочу, чтобы ты не сидел в доме, чтобы мог выйти, пройтись, развеяться. А как только ты уходишь — у меня сердце в пятки уходит, вдруг ударишься, оступишься...

Хотя в последнее время Юй Шанчжи уже наловчился: с помощью памяти, бамбуковой палки и Эрвана, он вполне уверенно передвигался и по дому, и по деревне. Но что ни говори — человек с хорошим зрением вдруг ослеп, и принять это спокойно было бы невозможно, кем бы ты ни был. В такие минуты он не мог не задумываться: как же ему повезло, что рядом оказались именно Вэнь Ецай и его младшая сестра. В другой семье, где каждый день считал на вес золота, вряд ли бы стали терпеть у себя мужчину, от которого никакой пользы, и который только занимает место.

— Когда зрение вернётся, я пойду с тобой в горы. Ты ведь сам говорил — хочешь показать мне ручей, где вы ловите рыбу, помнишь?

У Вэнь Ецай в груди потеплело.

— Ты и правда это запомнил...

Юй Шанчжи, конечно, помнил. Простая фраза, сказанная Вэнь Ецаем когда-то невзначай, укоренилась в его сердце — именно из той невинной оброненной мечты однажды и расцвело то чувство, которое он теперь уже не мог в себе отрицать.

Вэнь Ецай знал: Юй Шанчжи не из тех, кто бросается словами. Если он сказал, что пойдёт с

ним в горы, значит — точно пойдёт. Стало быть, пройдёт ещё... ну, всего несколько дней, и его маленький лекарь снова обретёт зрение.

Сможет увидеть горы. Увидеть речку. Увидеть деревню, травы и цветы.

И, самое главное, сможет наконец увидеть его самого.

— Шанчжи... — вдруг тихо спросил он. — А ты когда-нибудь задумывался, как я выгляжу?

Юй Шанчжи на миг замер, потом кивнул.

— Конечно, задумывался.

В конце концов, они делили одну постель, жили под одной крышей — разве можно не представлять себе, каков тот, чье дыхание ты слышишь каждую ночь? Но это было лишь туманное, расплывчатое впечатление, зыбкий силуэт, живущий в воображении.

Вэнь Ецай чуть подвинулся на подушке, поколебался, но всё же сказал:

— Только... я, в общем, не такой, каким принято считать красивого гера. Все говорят, что я больше похож на мужика — резкий, угловатый, ничего привлекательного. Так что... даже если ты разочаруешься, всё равно тебе уже деваться некуда. Раз уж женился — значит, даже если я тебе и не по вкусу, жить со мной придётся.

Юй Шанчжи не удержался, усмехнулся:

— Ты всерьёз считаешь, что я из тех, кто смотрит только на лицо?

Вэнь Ецай, как всегда, говорил прямо, без обиняков:

— Те, кто говорит, что не обращают внимания на внешность, просто сами не очень. А вот если встретят красавца, пусть хоть старый, хоть молодой — кто ж не взглянет пару лишних раз?

Сказал — и тут же ощутил, как к щекам прилила жара. Это Юй Шанчжи поднял руку и коснулся его лица.

— Я ведь не отсюда, — тихо сказал он. — Так что и вкусы у меня... не как у здешних.

Ладонь у него была сухая, тёплая, прикосновение — неторопливое, почти ласковое. Вэнь Ецай не сопротивлялся, позволил ему с лёгкой насмешкой сжать щёку. Он думал, на этом всё и закончится, но не успел моргнуть, как Юй Шанчжи вдруг склонился ещё ближе и прикоснулся

губами — сначала ко лбу, затем к линии бровей, к уголкам глаз, провёл вниз по переносице, легко коснулся губ, а потом — спустился к подбородку.

И хоть никаких слов не прозвучало, Вэнь Ецай сразу замер — он весь будто окаменел, как кролик, которого поймали посреди поля. Всё, что было до этого, испарилось; в груди осталась только пульсация и слабость.

Юй Шанчжи вдруг, сам не зная зачем, впервые за долгое время позволил себе немного поиграть. Двигался медленно, с особым нарочитым спокойствием, и только спустя добрую минуту отстранился.

Вэнь Ецай почувствовал, будто вся голова у него превратилась в раскалённый паровой пирожок, с которого валит горячий пар.

— Т-ты... это... — язык заплетался, речь спотыкалась. — Ты сейчас... что это вообще было?

Казалось, его мозг всерьёз расплавился.

Ответ Юй Шанчжи последовал сразу.

— А-Е, ты ведь знаешь, что у каждого человека есть своя костная структура лица?

Говорят: красота — в костях, а не в коже. Хотя внешность складывается из обоих — и кожи, и костей, — если костная структура хороша, то и кожа не испортит. У Вэнь Ецай черты лица были чёткими, рельефными, словно вырезанными с точностью до миллиметра: соотношение трёх зон лица, расстояние между глазами — всё строго по канону.

Глаза у него были немаленькие, переносица высокая и ровная, линия нижней челюсти — с мягким заострением. Когда Юй Шанчжи коснулся его губ, ощутил, как тот их сжал, и на щеках выступили две едва заметные ямочки.

Всё вместе — если описывать современным языком — внешность уровня тех, кого в шоу-бизнес отбирают с порога.

Но Юй Шанчжи помнил: его уже дважды путали с мужчиной, а в памяти тела, что он занял, было множество обрывков воспоминаний, где слышались слова о том, как "неженственно", "грубо" он выглядит. В этом мире к гермам предъявлялись особые требования: красивыми считались мягкие, хрупкие черты, худощавое, стройное телосложение, плавные линии. А уж в одежде — чем ближе к женскому, тем лучше: красные ленты, зелёные пояса, напудренные щёки, губы алые, как цвет граната.

Это и было то, что любили в этом обществе, но совсем не то, что нравилось самому Юй Шанчжи.

И потому, без тени колебания, он твёрдо сказал:

— А-Е, ты — именно тот, кто мне нравится. Такой, какой есть.

До сих пор в жизни Вэнь Ецая никогда никто не говорил ему таких слов. Он и сам не знал, шутит ли Юй Шанчжи или говорит всерьёз, но даже если это всего лишь утешение, услышать такое всё равно было до слёз приятно.

Поскольку нужно было как можно скорее съездить в уезд и закупить лекарства для всей семьи, на следующее утро Вэнь Ецай уже собрался в дорогу и с Даваном ушёл в горы.

Юй Шанчжи же с самого утра взял ящик с лекарствами и направился в восточную комнату — именно там он и решил принимать пациентов. Разложил всё по местам: нужные инструменты, травы. Вэнь-санья притащил письменные принадлежности: кисть, тушь, бумагу и камень, чтобы в любое время можно было выписать рецепт.

Сначала Юй Шанчжи думал, что хотя новость о приёме и разошлась, народ вряд ли пойдёт сразу — поостерегутся. Но день показал обратное: пусть и без срочных и тяжёлых случаев, но совсем без дела он не сидел ни минуты. Чаще всего приходили замужние женщины и геры. Платили положенные пятнадцать вэней — и просили одно: проверить пульс.

А цель, конечно, была одна: у кого-то задержка, кто-то себя чувствует странно — все надеялись узнать, не наступила ли беременность. Раньше ради этого приходилось идти в соседнюю деревню. А теперь всего пара шагов, да и дело касалось продолжения рода, а уж на это в семье не скупилась.

Среди пришедших некоторые и впрямь получали хорошие вести, но были и те, кто ошибался — у кого-то просто совпало с обычным недомоганием. Радость первым и разочарование вторым — всё это Юй Шанчжи наблюдал с хладнокровной уравновешенностью.

Однажды даже пришла пара супругов, и с ними — свекровь. Услышав, что невестка Го-гер не беременен, свекровь тут же вспыхнула и начала выказывать недоверие:

— Ты, слепой лекарь, точно умеешь пульс проверять? Наш Го в последнее время и кислого всего требует, и днём всё время зевает. Я, когда сына своего носила, ровно так же себя чувствовала. Разве может это быть не беременность?

Юй Шанчжи, не теряя спокойствия, сдержанно пояснил:

— Тяга к кислому, как и дневная сонливость или слабость, сами по себе не означают, что кто-то забеременел. По пульсу видно, что у него сейчас лёгкий внутренний жар, а у людей с таким состоянием и впрямь бывает тяга к кислому.

После этого он обратился непосредственно к самому Го-геру:

— В последнее время не чувствуешь ли сухости во рту? Ладони, стопы — потеют чаще обычного?

Но Го-гер, вместо ответа, лишь указал на губы, затем замахал руками. Юй Шанчжи сразу понял: он, должно быть, немой.

Муж Го тут же вступил в разговор:

— Да, ладони и ступни у него часто вспотевшие, воды пьёт много.

Го-гер кивнул, затем показал руками несколько знаков. Муж, посмотрев, перевёл:

— Он говорит, у него с детства так было.

Услышав это, женщина тотчас изменила тон:

— А что за такой «внутренний жар»? Он ему, значит, мешает забеременеть или нет?

Юй Шанчжи заметил, как эта свекровь ни словом не интересуется самочувствием своей невестки, а думает только о потомстве, и его голос невольно похолодел:

— У всех людей телосложение разное — есть состояния, как внутренний жар, внутренний холод, или плотная и поверхностная жара и холод. Человек ведь питается зерном и хлебом, в идеальном здравии никто не бывает — у каждого найдётся какой-то свой недуг. Но помимо этого у Го-гера тело в целом крепкое. Дайте делу идти естественным путём, и всё придёт в своё время.

Женщина хмыкнула:

— Ладно. Схожу потом в уезд, проверим у нормального лекаря. Лучше бы ты не ошибался, раз уж называешься врачом.

После чего она повернулась к сыну с упрёком:

— Я же тебе говорила — пошли бы сразу в уезд, так нет, надо было тащить сюда.

От постоянных упрёков у Юй Шанчжи уже начинала болеть голова. Он быстро дал Го-геру несколько рекомендаций и, сославшись на то, что снаружи ещё люди ждут, вежливо, но твёрдо проводил их.

А когда семья, наконец, зашагала прочь, свекровь, не унимаясь, снова завела своё:

— Подумать только — уж решили, что, наконец, зачал. А с утра мой сын ещё и яйцо тебе сунул... Одно умеешь — яйца есть, а не класть!

Когда их шаги и голос, наконец, стихли за порогом, Юй Шанчжи только бессильно покачал головой.

Следующим, кого ввели в комнату, была старушка из семьи Фу — бабушка Фу Лаосы.

Два года назад Фу-тайтай справила своё семидесятилетие — по нынешним меркам деревни это считалось редким долголетием. Семья у неё была обеспеченная, дети и внуки — почтительные, внимательные. Последнее время старушка всё жаловалась на неприятные ощущения в груди, а тут как раз в деревне появился лекарь — потому её и решили привести.

Правда, в доме Фу к Юй Шанчжи относились с лёгким недоверием — не то чтобы прямо враждебно, но настороженно. И всё же таскать старушку в уезд через ухабы — слишком тяжело, да и сама она ни за что не соглашалась. Стоило только упомянуть о визите к лекарю, как сразу начинала отнекиваться, мол, здорова как бык, не на что жаловаться, всё в порядке. На деле — просто боялась, что лечение влетит в копеечку.

Вот и сейчас, только войдя в комнату, сразу заговорила сквозь редкие, шатающиеся зубы:

— Да чего меня лечить! Я ещё крепкая, не нужен мне этот ваш лекарь, не нужен!

С трудом её усадили на место, уговорами да обещаниями. Она прищурилась, глядя на Юй Шанчжи сквозь свои почти совсем потерявшие зрение глаза, и недоверчиво буркнула:

— Уж больно кожа у этого лекаря гладкая. Позови-ка лучше своего наставника, где он?

Фу Лаосы, стоявший рядом, поспешно пояснил:

— Вы не обижайтесь, доктор Юй. У моей бабки уже с головой неважно. Ещё на днях ей про Цай-гера рассказывали, а она через минуту уже и не помнит.

Хотя зрения у старушки Фу почти не осталось, слух у неё был по-прежнему острый.

— Кто это там меня глупой называет? — сердито буркнула она. — Я совсем не глупа! Утром сама выпила две чашки жиденькой каши!

Мать Фу Лаосы, которая тоже пришла с ними, рассмеялась:

— Да уж, это точно! Вы ведь и сейчас жирное мясо лопаете за обе щёки!

Недаром говорят: в доме старик — сокровище на скамейке. Пара живых фраз от старушки быстро развеяли то раздражение, которое оставила после себя прежняя сварливая свекровь.

Когда Фу-тайтай, наконец, уговорили подставить руку для пульса, в комнате стало тихо. Юй Шанчжи сосредоточенно проверял пульс на обеих руках, затем задавал уточняющие вопросы:

— Сказали, в груди тяжесть. А боль при этом бывает? Кашель есть? Много ли мокроты?

После этого последовал ещё ряд расспросов: о стуле, мочеиспускании и других подробностях. И только собрав полную картину, он дал заключение. На самом деле, в сравнении со многими пожилыми людьми в этом времени, Фу-тайтай была по-настоящему здорова. Но старость — процесс необратимый, и даже при хорошем уходе тело всё равно с годами сдаёт.

— Это состояние называется «блокировка грудной клетки из-за слизи и мутной влаги», — спокойно пояснил Юй Шанчжи. — У пожилых людей встречается часто. Нужно просто следить за собой. Что касается отвара — потребуется сочетание отвара из гуа-лоу, сяньбай и банься с очищающим слизь отваром «Ти Тан Тан». Я запишу рецепт, вы сходите в уезд и возьмёте всё нужное. Попьёте дней десять, посмотрим по результату.

Вэнь-санья, как обычно, записал названия трав и их пропорции, и пока чернила подсыхали, Юй Шанчжи продолжил:

— Кроме того, в питании тоже надо быть аккуратнее. Жирное лучше исключить — оно способствует образованию слизи и только усилит тяжесть. Холодной пищи тоже избегать. Если есть возможность, варите кашу из ячменя, можно добавлять сушёную мандариновую цедру.

Родные тут же поняли — о жирном мясе бабушке теперь остаётся только вспоминать. Что и говорить — пахнет оно вкусно, да вот после него сердце в огне и грудь ломит, чего доброго.

— Спасибо вам, Юй-ланчжун, — поклонились они. — Завтра же пойдём в уезд за лекарствами.

Фу Лаосы вышел вперёд, чтобы забрать рецепт. Читать в их семье никто не умел, но это не беда — в аптеке распознают всё, что нужно.

А старушка только сейчас до конца поняла, что речь шла о лекарстве, и тут же всполошилась:

— Пить отвар? Не буду я никакое лекарство пить! Не тратьте зря деньги. Всё равно не стану!

Мать Фу Лаосы тут же обернулась и начала делать знаки глазами сыну и снохе — знала ведь, что прабабка особенно любит младшего внука. Только он мог её хоть как-то переубедить.

Перед уходом мать Фу Лаосы ещё раз виновато улыбнулась Юй Шанчжи — но, улыбнувшись, тут же вспомнила, что он всё ещё не видит, и улыбка как-то неловко повисла в воздухе.

Когда Фу Лаосы под руку увёл бабушку за дверь, в комнату вошла Вэнь-эрню с кувшином, разлила воду по чашкам и подала Шанчжи и Санья.

— Брат Юй, снаружи пока больше никто не ждёт.

Юй Шанчжи кивнул:

— Который час?

— Уже почти Шэнь-ши, — ответила она. — Наверное, брат скоро вернётся.

Сказав это, она вдруг заговорщически придвинулась ближе, понизила голос:

— Брат Шанчжи, а ты знаешь, кто была та тётка, что пришла сегодня с сыном и невесткой-гером, та, что всё болтала без умолку?

Не дождавшись ответа, тут же сама и раскрыла тайну:

— Это же та самая Цай Байцао! Помнишь, я в день посадки рассады упоминала — любит язвить и задирать людей?

<http://bllate.org/book/13600/1205951>